

М. М. Сперанскій.

(по Гауеншильду) ¹⁾.

Сперанскій былъ сынъ бѣднаго дьячка, по имени Михаилъ, который при крещеніи далъ своему сыну то же имя. Михаилъ Михайловъ ²⁾ получилъ первоначальное воспитаніе въ духовной семинаріи при Александро-Невской академіи и такъ какъ въ то время даже сыновья крестьянъ, — каковыми считаются въ Россіи дѣти дьячка — получали въ школахъ прозвище, то онъ получилъ отъ ректора, въ виду тѣхъ надеждъ, какія онъ подавалъ своимъ прилежаніемъ, римско-славянскую фамилію Сперанскій.

Предназначенный къ духовному званію, онъ читалъ, по окончаніи курса, въ той же Александро-Невской академіи лекціи по математикѣ и философіи, гдѣ съ нимъ познакомился князь А. Куракинъ, братъ бывшаго посланника при нашемъ дворѣ, который пригласилъ его воспитателемъ къ своимъ дѣтямъ. Такъ какъ Сперанскій выказывалъ ко всему усердіе и способность, то князь Куракинъ, въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, поручилъ ему сначала веденіе своей частной, а затѣмъ и официальной корреспонденціи, давъ ему предварительно чинъ и мѣсто въ своей министерской канцеляріи.

Графъ Викторъ Кочубей, мнѣніе котораго въ этомъ случаѣ весьма вѣско, говорилъ мнѣ: Сперанскій тогда уже обладалъ хорошимъ канце-

¹⁾ Изъ Вѣнскаго Государственнаго Архива. Переводъ съ нѣмецкаго.

²⁾ При этомъ авторъ иностранецъ дѣлаетъ чрезвычайно интересное примѣчаніе. „Частица и чъ приданная къ отчеству, говоритъ онъ, есть признакъ дворянскаго происхожденія. Царь Алексѣй Михайловичъ давалъ дипломы съ формулой: „жалую тебѣ и твоимъ потомкамъ и чъ“.

лярскимъ слогомъ, въ который онъ ввелъ современемъ въ высшей степени благодѣтельную реформу, принятую всѣми.

Въ 1800 г. Сперанскій имѣлъ еще чинъ титулярнаго совѣтника, который не позволялъ ему питать особенно большихъ надеждъ. Но дѣловитый Куракинъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возлагалъ на него собственную работу, и такимъ образомъ случилось, что когда Куракинъ былъ однажды нездоровъ, Сперанскій былъ посланъ съ докладомъ къ императору. Отнынѣ ему было открыто обширное поприще, на которое онъ вступилъ, правда, не особенно вооруженный знаніями, но съ большою жаждою дѣятельности. Онъ сдѣлался совершеннымъ европейцемъ, женился на англичанкѣ, свободно владѣлъ англійскимъ языкомъ, на которомъ охотно говорилъ императоръ Александръ; зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и древніе языки, (а впоследствии, во время своего пребыванія въ Сибири, онъ прекрасно изучилъ и нѣмецкій языкъ).

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ быстро повышаться по службѣ. Въ то время императору по разнымъ причинамъ наскучили Румянцевъ, Кошелевъ, Куракинъ, Новосильцевъ; графъ Кочубей, по причинѣ своего нерѣшительнаго характера, никогда не могъ пользоваться вліяніемъ продолжительное время, хотя онъ и былъ достоинъ въ силу своей безупречной честности, своихъ знаній и тѣхъ правъ, которыя онъ какъ бы унаследовалъ отъ своего дяди Безбородки.

Въ первые дни 1810 г., когда я познакомился со Сперанскимъ, онъ былъ на вершинѣ своего счастья, до которой ему никогда уже не удавалось достигнуть впоследствии. Онъ сопровождалъ императора въ 1808 г. въ Эрфуртъ, что имѣло величайшее вліяніе на его образъ мыслей; Наполеонъ сказалъ о немъ, что онъ «la seule tête fraîche en Russie». По возвращеніи вліяніе его, казалось, было навсегда упрочено. Сперанскій присутствовалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ, въ коихъ предсѣдательствовалъ императоръ и на которыхъ обсуждались вопросы, касавшіеся разныхъ министерствъ.

Было принято, что тѣ изъ присутствующихъ, кои при обсужденіи какого-нибудь вопроса не были согласны съ остальными, не высказывали своего мнѣнія прямо, а обращались съ рѣчью къ императору, какъ будто онъ былъ ихъ оппонентомъ. Такимъ образомъ въ 1809 г. часто случалось, что когда Сперанскій выступалъ съ какими-либо предложеніями по дѣламъ духовнаго вѣдомства, князь Александръ Голицынъ, бывший въ то время оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, обращался вмѣсто Сперанскаго къ государю со словами: *Sire, je ne suis pas de l'avis de Votre Maesté.* Въ случаѣ подобнаго разногласія императоръ нерѣдко высказывалъ свое мнѣніе и при этомъ всегда соглашался со Сперанскимъ. Когда впоследствии императоръ болѣе не предсѣдательствовалъ

въ собраніяхъ и Комитетъ Министровъ могъ рѣшать дѣла по своему благоумотрѣнію, то онъ былъ обязанъ составлять въ каждомъ засѣданіи протоколъ своихъ постановленій, просьбъ, предложеній и мѣропріятій, который представлялся на утвержденіе императора. Онъ разсматривалъ его по пунктамъ со Сперанскимъ и тотчасъ отмѣчалъ тѣ пункты, которые могли быть приняты или должны были быть отмѣнены, смотря потому, какъ Сперанскій находилъ это нужнымъ.

Г. Новосильцевъ рекомендовалъ меня Сперанскому, хотя онъ и былъ не въ ладахъ съ нимъ. Послѣдній, незадолго передъ тѣмъ, далъ мѣста д-ру Фесслеру венгерцу, профессору Лоде изъ Берлина и опредѣлилъ также весьма выгоднымъ образомъ другихъ его соотечественниковъ: Орлея, Балугьянскаго и т. д., поэтому я отправился къ нему преисполненный самыхъ радужныхъ надеждъ.

Сперанскій принялъ меня любезно и говорилъ на латинскомъ языкѣ, коимъ онъ владѣлъ свободно. Въ выраженіи его лица было что-то страдальческое и мечтательное, но его наружность никоимъ образомъ не изобличала низкое происхожденіе. При первомъ же моемъ посѣщеніи онъ заговорилъ о преобразованіи русскаго духовенства; это было его излюбленной мыслью, которая поглощала его всецѣло, осуществленіе коей заняло у него много времени и весьма вѣроятно было впоследствии главною причиною постигшей его немилости и ссылки. Да позволено мнѣ будетъ сказать, что Сперанскій, послѣ неоднократныхъ моихъ посѣщеній повидимому полюбилъ меня и поручалъ мнѣ кое-какія литературныя работы, коими г. Пезаровіусъ не сумѣлъ угодить ему. Я работалъ кое-что для Комиссіи Законовъ, по дѣламъ церковнымъ и долженъ былъ составлять обзорѣнія нѣмецкой философской литературы и дѣлать переводы изъ мелкихъ сочиненій и статей Маргейнеке, Фихте и Шеллинга, которыя мнѣ удавалось иногда изложить довольно кудрявымъ слогомъ и которыя онъ, отложивъ всякія другія занятія, читывалъ вмѣстѣ со мною, какъ только я ихъ приносилъ. Въ скоромъ времени онъ предложилъ мнѣ помочь ему при разработкѣ его плановъ преобразованія русскаго духовенства; но средства, коими онъ хотѣлъ достигнуть этого преобразованія, подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ Фесслера, были избраны имъ весьма странныя. Предполагалось основать масонскую ложу съ филиальными ложами во всей Россійской имперіи, въ которую были бы обязаны поступать наиболѣе способныя изъ духовныхъ лицъ всѣхъ сословій. Духовные братья были бы обязаны писать статьи по извѣстнымъ гуманитарнымъ вопросамъ, говорить проповѣди и т. д., каковыя бумаги должны были затѣмъ препровождаться въ главную ложу на разсмотрѣніе перваго мастера великой ложи (эта честь была предложена мнѣ), по предложенію котораго достойнѣйшіе должны были получать повышенія въ союзѣ масонскихъ

ложь и въ государствѣ. Но такъ какъ существовавшія уже многочисленныя ложи отнюдь не могли согласоваться съ этимъ проектомъ и преслѣдовали совершенно иныя цѣли (въ сущности у нихъ не было никакихъ цѣлей), то Сперанскій представилъ императору къ подписи два указа. Однимъ изъ нихъ его величество повелѣвалъ министру народнаго просвѣщенія графу Алексѣю Разумовскому закрыть временно при помощи директора полиціи всѣ существовавшія въ Имперіи ложи и истребовать у мастеровъ стула различные ихъ ритуалы. Этотъ указъ былъ подписанъ императоромъ и былъ немедленно приведенъ въ исполненіе; вторымъ указомъ повелѣвалось начальникамъ ложъ либо принять составленный Сперанскимъ (въ то время еще не вполне выработанный) новый ритуалъ масонскихъ ложъ или закрыть ихъ. Императоръ обѣщалъ подписать и этотъ указъ, но это не было исполнено.

Хотя мнѣ было въ то время всего двадцать пять лѣтъ отъ роду, но я чувствовалъ, что этотъ проектъ былъ совершенно неудобноисполнимъ и что онъ долженъ былъ произвести тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе, что слишкомъ напоминалъ Вейсгаупта.

Преслѣдовалъ ли Сперанскій при этомъ еще какія-либо другія скрытыя имъ отъ меня цѣли, или же, введенный въ заблужденіе краснорѣчіемъ Феслера, онъ дѣйствительно рассчитывалъ достигнуть этой цѣли такимъ страннымъ и подозрительнымъ образомъ, этого я никогда не могъ вполне выяснитъ. Даже внѣшніе масонскіе знаки онъ исполнялъ въ это время съ такимъ рвеніемъ, какъ будто у него не было другихъ занятій. Мнѣ былъ извѣстенъ весь появившійся безсмысленный хламъ, включая сочиненія братьевъ Корнъ и др., я перечиталъ всѣ ритуалы французскихъ, англійскихъ, шведскихъ и нѣмецкихъ ложъ, мнѣ постоянно приходилось переводить ихъ и дѣлать по поводу ихъ доклады, при чемъ я помню, что мнѣ попалась въ руки французская система масонскихъ ложъ, съ 60, именно съ шестьдесятю, tableaux и столькими же степенями! Г. Пезаровіусъ, издатель Инвалида (нынѣшняя военная газета), человекъ самый легкомысленный и самый юркій интриганъ, какихъ когда-либо свѣтъ производилъ, откапываетъ ежедневно какую-нибудь новую, ничего нестоящую ветошь.

Когда новый ритуалъ былъ наконецъ сочиненъ (по большей части Фесслеромъ) и переведенъ мною на французскій языкъ, Сперанскій приступилъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1810 г., къ торжественному открытію Великой ложи, засѣданія которой происходили въ бесѣдкѣ, принадлежащей къ помѣщенію Коммиссіи Законовъ. Сперанскій объявилъ себя мастеромъ стула, я былъ назначенъ первымъ, баронъ Розенкампфъ, директоръ законодательной коммиссіи, вторымъ наблюдателемъ, а статскій совѣтникъ Пезаровіусъ вводящимъ братомъ. Статсъ-секре-

тарь Магницкій, который былъ въ то время другомъ Сперанскаго, чуть не его наперсникомъ, былъ принятъ нами въ первую ложу по новому ритуалу, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, при чемъ Сперанскій произнесъ прекрасную рѣчь. А во время обѣда, происходившаго въ ложѣ, нами была трогательно пропѣта латинская ода Сарберіуса (начинающаяся, вѣжета, словами *quant potestates* и т. д. и въ коей говорится о превратностяхъ судьбы).

Такъ прошло нѣкоторое время; надъ выработкою внутренняго устройства ложи усердно трудились; въ ложу были приняты тайный совѣтникъ Дерябинъ, директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, г. фонъ Ренненкампфъ, нынѣ гофмаршалъ герцога Ольденбургскаго, и нѣкоторые другія лица, и мы только-что собирались принять герцога Ольденбургскаго, зятя императора, и его супругу, какъ вдругъ Сперанскій пригласилъ меня однажды къ себѣ въ необычный часъ. Онъ только-что возвратился поздно вечеромъ изъ Царскаго Села, гдѣ убѣждалъ государя подписать второй изъ вышеупомянутыхъ двухъ указовъ. Императоръ отвѣчалъ на просьбу Сперанскаго отказомъ, и послѣдній понялъ, *qu'il y avait du trouble dans l'affaire* (что дѣло не ладно). Сперанскій пригласилъ меня для того, чтобы сообщить мнѣ, что ложа закрыта и Фесслеру приказано покинуть Петербургъ. Онъ дѣйствительно уѣхалъ вскорѣ вмѣстѣ съ зятемъ Сперанскаго, г. Злобинымъ, въ Вольскъ, а когда Злобинъ разорился, то онъ отправился въ Сарепту.

Осенью 1811 г. я переѣхалъ въ Царское Село. Сперанскій вмѣнилъ мнѣ въ обязанность посѣщать его какъ можно чаще, что я и исполнялъ, бывая у него обыкновенно разъ въ недѣлю. Я всегда имѣлъ къ нему свободный доступъ и когда мы оставались одни, то онъ бывалъ со мною вполне откровененъ. Въ исходѣ того же года онъ познакомилъ меня со всевозможными личными отношеніями, существующими при русскомъ дворѣ. Повидимому, онъ хорошо зналъ людей, которые таили вражду противъ него. Во главѣ ихъ стоялъ шведъ, генералъ графъ Армфельдъ; затѣмъ Кошелевъ, у котораго онъ былъ прежде другомъ дома. Первый дѣйствовалъ изъ потребности интриговать; послѣдній объявлялъ себя рѣшительнымъ врагомъ французской системы, къ которой Румянцевъ былъ всегда приверженъ, и которой Сперанскій еще сочувствовалъ въ то время. Князь Александръ Голицынъ считалъ Сперанскаго своимъ противникомъ по религіознымъ убѣжденіямъ, въ которыхъ онъ самъ былъ еще неопитъ. Аракчеевъ и Волконскій считали себя лично обиженными; что же касается графа Кочубея, то, при всѣхъ его достоинствахъ, онъ одинаково не имѣлъ значенія, какъ другъ и какъ врагъ.

Зимой 1811 г. Сперанскій позволилъ мнѣ ввести къ нему въ домъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя прежде не допускались дальше его швей-

царской; между прочимъ извѣстнаго Его Свѣтлости г. Туварова. Но онъ рѣшительно отказался принять донъ Бенито-Парда-Фигероа, который упротсилъ меня передать ему сдѣланный имъ метрической переводъ 14-й оды Горация. Но Сперанскій выказывалъ величайшую боязнь къ Фесслеру, — когда я сообщилъ ему, что послѣдній пишетъ свою автобіографію, то онъ сказалъ мнѣ съ величайшимъ испугомъ: «Напишите ему, Бога ради, чтобы онъ не упоминалъ въ ней про меня». Онъ охотно говорилъ объ императорѣ Александрѣ, но оканчивалъ обыкновенно разговоръ восклицаніемъ: *malheureusement l'Empereur n'est pas un homme à gouverner* ¹⁾. Объ Австріи и австрійцахъ онъ былъ наилучшаго мнѣнія. Многіе изъ нихъ были уже привлечены въ Россію, и онъ имѣлъ намѣреніе выписать еще нѣсколько человекъ въ Коммиссію Законовъ и въ различныя академіи, коими онъ интересовался (онъ былъ между прочимъ кураторомъ Абосскаго университета).

Между тѣмъ приближалась катастрофа, которой суждено было пресѣчь на долго столь дѣятельную политическую жизнь Сперанскаго. Я посѣтилъ его за недѣлю передъ тѣмъ. Онъ былъ чрезвычайно разговорчивъ, привѣтливъ и добродушенъ; незадолго передъ этимъ императоръ пожаловалъ ему орденъ Александра Невскаго, который очень порадовалъ его. Я передалъ ему, что носится слухъ, будто Розенкампфъ строить козни противъ него.

— Я знаю это, — сказалъ онъ, и Козодавлевъ тоже, котораго я сдѣлалъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но *je les ferai rentrer tous sous terre* ²⁾. Пезаровіусъ много повредилъ мнѣ, ибо въ то время, какъ мы открывали ложу, онъ былъ такъ безъ памяти радъ по поводу того, что онъ вступилъ въ хорошее общество, что на другое же утро рассказалъ тайну своему брадобрѣю, а также и то, что мы собирались принять вскорѣ и герцога Ольденбургскаго. Герцогу, котораго брѣветъ тотъ же брадобрѣй, не понравилось, что люди относились къ нему, какъ къ брату, когда онъ еще не вступилъ въ ложу, и онъ лишилъ меня своего благоволенія.

Въ то утро (воскресенье 10-го марта 1812 г.) я провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ ³⁾. Съ нами была его дочь, еще почти ребенокъ. Я никогда не видалъ его болѣе веселымъ и добродушнымъ. Онъ сказалъ между прочимъ:

— *Croyez moi, mes enfants, hormis un vice de coeur et une maladie incurable, il n'y a point de malheur dans la vie* ⁴⁾.

¹⁾ Къ несчастью, императоръ не изъ тѣхъ людей, коими можно управлять.

²⁾ Но я заставляю ихъ всѣхъ замолчать.

³⁾ Авторъ ошибается въ числахъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сообщаетъ не вѣрные слухи, но мы оставляемъ рассказъ въ его авторской точности.

Р е д.

⁴⁾ Повѣрьте мнѣ, дѣти мои — кромѣ недостатка сердца и неизлѣчимой болѣзни, въ жизни вовсе нѣтъ несчастья.

Восемь дней спустя онъ былъ въ состояніи провѣрить истину этого изреченія.

О злополучномъ для Сперанскаго днѣ 17-го марта 1812 года я слышалъ отъ него самого и отъ князя Александра Голицына, который, какъ министр народнаго просвѣщенія, былъ моимъ послѣднимъ начальникомъ въ Россіи, слѣдующее:

Сперанскій работалъ съ императоромъ до 10 часовъ вечера. Когда онъ собирался удалиться, императоръ сказалъ:

— Обнимите меня, Михаилъ Михайловичъ, я долженъ на нѣкоторое время разстаться съ вами.

Когда же чрезвычайно изумленный и испуганный Сперанскій спросилъ императора, чѣмъ вызвано его удаленіе, онъ встрѣтилъ такой строгій и холодный взглядъ, что умолокъ и удалился. Въ пріемной, его затуманенные слезами глаза не разглядѣли стоявшаго тамъ князя Голицына, который спросилъ его, чѣмъ онъ такъ смущенъ; Сперанскій могъ только отвѣтить: «я ѣду».

Когда онъ подѣхалъ къ своему дому въ своей обитой мѣхомъ теплою каретѣ, полицейскій офицеръ преградилъ ему входъ. Онъ долженъ былъ, не простясь съ дочерью, сѣсть въ томъ, въ чемъ онъ былъ, въ кибитку, въ которой онъ былъ отправленъ въ Пермь ¹⁾. На своемъ пути онъ испыталъ горькую участь утратившихъ свое значеніе временщиковъ. Всѣ тѣ господа, которые нѣсколько времени передъ тѣмъ пресмыкались передъ нимъ и изъ коихъ большинство было обязано ему занимаемыми ими мѣстами, отказывались принять его у себя.

Одновременно съ нимъ былъ сосланъ недостойный и отверженный имъ въ послѣдствіи другъ, статсъ-секретарь Магницкій.

Два дня спустя послѣ паденія Сперанскаго, г. фонъ Розенкампфъ распространилъ ходившее по рукамъ и направленное противъ его бывшаго благодѣтеля сочиненіе подъ заглавіемъ «Что такое Сперанскій какъ человекъ и государственннй мужъ», которое было слишкомъ объемисто для того, чтобы оно могло быть написано въ два дня.

Госпожа Стевенсъ, невѣстка Сперанскаго, постаралась встрѣтиться съ императоромъ на другой день послѣ катастрофы; онъ любезно поздоровался съ нею и заговорилъ, но, видя ея глубокую печаль и уныніе, сказалъ:

— Не безпокойтесь по поводу случившагося вчера. Михаилъ Михайловичъ не совершилъ никакого государственнаго преступленія, онъ былъ только неправъ лично противъ меня.

Когда я разспрашивалъ Розенкампфа, по какой причинѣ Сперанскій могъ впасть въ немилость, то онъ сказалъ мнѣ таинственно:

¹⁾ Сперанскій былъ отправленъ въ Нижній Новгородъ.

— Вслѣдствіе крайне опасныхъ сношеній, которыя онъ поддерживалъ внутри государства и за границею.

Въ высшей степени опасныя сношенія внутри государства означали вышеупомянутыя логи, которыя Розенкампфъ представилъ императору съ самой опасной стороны.

Помимо вышеупомянутаго Магницкаго, случайно былъ замѣшанъ также дѣйствительный статскій совѣтникъ Бекъ (бывшій секретарь и воспитатель у графа Палена) и—безъ всякой вины—заключенъ въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ.

Послѣ удаленія Сперанскаго я написалъ ему, единственно изъ расположения, нѣсколько писемъ; этотъ необдуманннй поступокъ не причинилъ мнѣ никакихъ непріятностей, но я не получилъ отъ Сперанскаго никакого отвѣта. По возвращеніи своемъ Сперанскій увѣрялъ однако меня, что моя преданность была ему весьма пріятна.

Проходили годы, а Сперанскій не возвращался изъ ссылки. Это случилось наконецъ послѣ того, какъ Сперанскій письменно просилъ у императора дать ему возможность оправдаться передъ своимъ монархомъ и отечествомъ своею усердною службою, занявъ подчиненное мѣсто на болѣе скромномъ поприщѣ. Князь Александръ Голицынъ рассказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ, въ переданныхъ ему статсъ-секретаремъ Оленинымъ бумагахъ Сперанскаго, болѣе чѣмъ на половину оконченный переводъ Подраженія Христу Өомы Кемпійскаго, по поводу котораго Сперанскій обращался въ комиссію, назначенную для разбора его бумагъ, съ просьбою возвратить ему этотъ переводъ для того, чтобы онъ могъ окончить его въ своемъ уединеніи. Голицынъ спросилъ у императора: «можетъ ли онъ послать эту рукопись Сперанскому». Императоръ, хорошо знавшій почеркъ Сперанскаго, приказалъ привести тетради, просмотрѣлъ ихъ и сказалъ, что онъ очень удивляется тому, какъ дерзнули обвинять Сперанскаго въ невѣріи, ибо если человекъ столь занятый, какъ Сперанскій, имѣлъ все-таки потребность читать сочиненіе Өомы Кемпійскаго, переводить его на русскій языкъ и дѣлать къ нему такіе дѣльные комментаріи, то навѣрно этотъ человекъ гораздо болѣе религіозный, нежели тѣ, кои его обвиняютъ. Когда вслѣдъ затѣмъ появился печатный переводъ Өомы Кемпійскаго, сдѣланный Сперанскимъ, то императоръ уже ранѣе этого какъ бы далъ ему повышеніе, назначивъ его вмѣсто губернатора Пензы (?) временно сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, хотя находившійся тогда въ Петербургѣ тайный совѣтникъ Пестель продолжалъ на самомъ дѣлѣ управлять этой страной.

8-го іюля 1820 г., передъ отъѣздомъ изъ Царскаго Села въ Лайбахъ, императоръ разговаривалъ со мною, со своей обычною добротою, въ паркѣ и сказалъ:

— Хотите, я сообщу вамъ извѣстіе о добромъ другѣ? Михаилъ

Михайловичъ здоровъ и съ тѣхъ поръ, какъ вы его видѣли, въ особенности за послѣднее время много измѣнился въ свою пользу, въ особенности съ точки зрѣнія религіи. Какъ вамъ извѣстно, онъ былъ всегда очень искуснымъ работникомъ, въ особенности въ канцелярскомъ дѣлѣ; послѣдніе годы, будучи губернаторомъ въ Пензѣ (?), онъ приобрѣлъ также основательныя познанія и въ административной службѣ, которыя теперь очень пригодятся ему въ Сибири.

Я сказалъ на это довольно неловко:

— *Sire, c'est un homme auquel vous avez donné l'éducation* ¹⁾.

Императоръ отвѣчалъ, поморщившись:

— *Je ne prends pas cela pour moi* ²⁾.

Изъ Лайбаха Сперанскому было послано приказаніе возвратиться въ Петербургъ. Помиланный, онъ прибылъ въ столицу въ исходѣ февраля 1821 г.

Старикъ тайный совѣтникъ Кошелевъ, озлобленный богѣ чѣмъ когда-либо противъ Аракчеева, сильно рассчитывалъ на Сперанскаго и его возрождавшееся вліяніе. Въ кружкѣ Кошелева было рѣшено, что Сперанскій, въ извѣстныхъ, разумѣется нѣсколько эгоистичныхъ видахъ, единственный человѣкъ, которому можетъ быть ввѣрено управленіе дѣлами и который можетъ нравиться императору. Румянцевъ давно уже былъ благоразумнымъ образомъ устраненъ, Лопухинъ былъ глухъ и къ тому же не способенъ, управленіе министерствомъ юстиціи находилось въ самомъ жалкомъ состояніи въ рукахъ Лобанова-Ростовскаго, который служилъ ранѣе исключительно въ военной службѣ, а на Кочубея, по причинѣ его слабаго здоровья, нельзя было рассчитывать. Почти единственной помѣхой къ возвышенію Сперанскаго былъ Аракчеевъ, который, поддерживаемый императоромъ, сталъ съ нѣкоторыхъ поръ во все вмѣшиваться, да еще пожалуй Волконскій. Гурьевская партія не окажетъ особаго сопротивленія; зять министра, графъ Нессельроде, не можетъ удержаться.

Мое первое посѣщеніе Сперанскаго произошло при такихъ обстоятельствахъ: Кошелевъ, привлекая меня чрезъ Голицына, который какъ тѣнь всюду слѣдуетъ за нимъ, увидѣлъ во мнѣ прекрасное орудіе своихъ цѣлей. А именно, побуждаемый Кошелевымъ, я отправился скорѣ послѣ пріѣзда Сперанскаго къ нему въ одно воскресное утро. Должно быть, пріемныя всѣхъ министровъ опустѣли въ тотъ день, и ихъ обычные посѣтители явились въ пріемную Сперанскаго, гдѣ они образовали живыя шпалеры, но самое солнце еще не взошло на этомъ небосклонѣ. Старикъ камердинеръ, который зимою 1810, 1811 и 1812 гг.

¹⁾ Ваше величество, это человѣкъ, воспитанный вами.

²⁾ Я не беру это на себя.

частенько вводилъ меня въ кабинетъ своего барина въ 6 часовъ утра, радостно привѣтствовалъ меня и тотчасъ доложилъ обо мнѣ. И что же? Дверь тотчасъ отворилась. Сперанскій появился, обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ:

— C'est une justice que je vous dois devant tout le monde ¹⁾.

Затѣмъ онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ и продержалъ тамъ такъ долго, бесѣдуя со мною весьма привѣтливо, что мнѣ наконецъ стало неловко при мысли о чаевшихъ за дверьми, и я попросилъ позволенія уступить мѣсто другимъ. Тогда онъ проводилъ меня и обнялъ вторично *comme populo*.

Описывая этотъ случай, не могу не помянуться надъ тщеславіемъ своимъ собственнымъ и прочихъ людей. Вслѣдствіе благоволенія, оказаннаго мнѣ временщикомъ (?), я одѣлался для всѣхъ предметомъ зависти. Какъ многіе желали бы быть на моемъ мѣстѣ, и не болѣе какъ годъ спустя навѣрно имъ никто не помѣнялся бы со мною, хотя въ то именно время я былъ въ душѣ какъ нельзя болѣе счастливъ, вслѣдствіе происшедшей въ моей жизни на видъ неблагопріятной перемены, когда, порвавъ всѣ отношенія къ Россіи, я какъ будто бы обрѣлъ снова свое отечество.

Между тѣмъ въ Петербургѣ разнесся слухъ объ оказанномъ мнѣ отличіи, и вокругъ меня стали толпиться люди всевозможныхъ отгѣнковъ. Я помню, между прочимъ, что находящійся въ Вѣнѣ г. Рибольеръ, всѣмъ обязанный Гурьеву, отъ котораго Сперанскій по возвращеніи своемъ удалялся, магнетизировалъ меня цѣлыхъ два часа у егермейстера князя Сергѣя Голицына, чтобы уяснить себѣ отношенія, существовавшія между Кошелевымъ и Сперанскимъ.

Старикъ Кошелевъ далъ мнѣ длинную инструкцію относительно того, какъ я долженъ былъ держать себя со Сперанскимъ, на что мнѣ слѣдовало намекнуть ему, что сказать и на чемъ особенно настаивать. Все клонилось къ тому, что Сперанскій, ставъ подъ Кошелево-Голицынское знамя, могъ рассчитывать достигнуть высшихъ почестей и занять исключительное положеніе во главѣ администраціи. При этомъ придавалось особенное значеніе тѣмъ еженедѣльнымъ вечернимъ совѣщаніямъ, которыя давно уже аккуратно происходили по субботамъ между императоромъ, Кошелевымъ и Голицынымъ, а равно правильной перепискѣ, которую его величество поддерживалъ сверхъ того съ Кошелевымъ, которая была, по этому случаю полностью предъявлена мнѣ и, просматривая которую, я убѣдился, между прочимъ, сво-

¹⁾ Это справедливость, которую я долженъ отдать вамъ въ присутствіи всѣхъ.

ими собственными глазами въ томъ, съ какой твердостью императоръ, не смотря на всѣ убѣжденія пылкаго и избалованнаго его добротой старика, отклонялъ всѣ назойливыя настоянія на пользу грековъ.

Какъ ни соблазнительнъ могъ показаться въ то время Сперанскому союзъ съ Кошелевымъ, но онъ не связалъ себя съ нимъ. Онъ не могъ получить Кошелева безъ Голицына, къ послѣднему же онъ питалъ рѣшительную антипатію, не только потому что въ предъидущіе годы часто шелъ противъ него, но также и потому, что онъ главнымъ образомъ приписывалъ ему свое паденіе. Вообще, онъ не хотѣлъ примкнуть ни къ какой партіи, чѣмъ, быть можетъ, онъ снова погубилъ себя въ то время; по крайней мѣрѣ люди съумѣли не допустить его сближенія съ императоромъ въ той степени, на которую онъ вначалѣ твердо рассчитывалъ.

Только въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г., 9 лѣтъ и 3 мѣсяца послѣ ссылки Сперанскаго, императоръ принялъ его въ Царскосельскомъ дворцѣ. Прямо отъ императора онъ пріѣхалъ ко мнѣ. Онъ былъ чрезвычайно растроганъ и рассказалъ о томъ, какъ онъ былъ принятъ государемъ; онъ заключилъ слѣдующими словами: «Enfin, c'était une adoption»).

Во время этого посѣщенія, Сперанскій потребовалъ отъ меня, чтобы я отказался отъ мѣста директора института и перешелъ въ Коммиссію Законовъ.

Все, что произошло со Сперанскимъ въ послѣдующіе мѣсяцы, могло бы удовлетворить обыкновенное честолюбіе, но Сперанскій пользовался вѣдь прежде несравненно бѣльшимъ благоволеніемъ и имѣлъ неограниченное вліяніе и власть. Онъ часто жаловался мнѣ:

— L'empereur ne veut pas même me sacrifier Lopouchin et c'est avec difficulté que j'ai pu renvoyer Rosenkampf ¹⁾.

Такимъ образомъ и ему пришлось испытать, что возрожденіе временщика никогда не бываетъ полное.

4-го мая 1822 г. я оставилъ Россію послѣ 22-ти лѣтняго пребыванія въ ней. Сперанскій до послѣдней минуты выказывалъ мнѣ неизмѣнно дружеское расположеніе и въ послѣднее время многократно предостерегалъ меня и предлагалъ мнѣ оставить министерство Голицына и зарабатывать себѣ средства къ жизни, служа лично у него. Когда я прощался съ нимъ, онъ сказалъ мнѣ, что рассчитываетъ навѣрно, что я вернусь черезъ два года: car vous nous serez nécessaire ²⁾. Я отвѣчалъ ему, что доброта заставляетъ его увлекаться и быть при-

¹⁾ Императоръ не хочетъ даже пожертвовать мнѣ Лопухиннымъ, и мнѣ съ трудомъ удалось удалить Розенкампа.

²⁾ Такъ какъ вы будете намъ нужны.

страстнымъ, но онъ сказалъ мнѣ на прощанье: J'ai bien pesé le mot—vous nous serez nécessaire et même indispensable ¹⁾).

Со времени этого разговора прошло четыре года, и я обязанъ вашей добротѣ, многоуважаемый баронъ, что это пророчество не сбылось и уже никогда не можетъ сбыться ²⁾).

Сообщилъ В. А. Бильбасовъ.

¹⁾ Я хорошо взвѣсилъ свои слова: вы будете намъ нужны и даже необходимы.

²⁾ Приложение къ депешѣ Лебцельтерна, изъ Петербурга, отъ 17-го апрѣля 1826 г. № 3.